

DOI 10.21672/1818-510X-2020-65-4-058-065

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА УКРАИНЫ НА ЮГЕ И ВОСТОКЕ СТРАНЫ КАК МЕТОД ЭТНОКРАТИИ

Костенко Юлия Витальевна, кандидат политических наук, доцент
Кубанский государственный университет
Российская Федерация, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: jkostenko@yandex.ru

Автор статьи характеризует языковую политику постмайданной Украины (2014–2020 гг.) на юге и востоке страны в качестве метода закрепления этнократии в процессе нациестроительства. Дана оценка состояния и тенденций развития историографии проблемы. Выявлены этнодемографические изменения структуры населения, а также общественного мнения Юга и Востока Украины на протяжении 1989–2020 гг. Раскрыты интенции языковой политики Украины. Отмечена неэффективность международного влияния с целью обеспечить соблюдение демократических норм языковой политики. Определены такие направления языковой политики, как разрушение институтов русскоязычного образования и масс-медиа на русском языке, ослабление русской этнической идентичности, проводимые органами государственной власти Украины. Важным фактором дерусификации выступает вооружённый конфликт в Донбассе, ставший катализатором перехода к этнократии на Украине. В то же время непризнанные государства Донбасса сохраняют равенство языков на своей территории. Сделан вывод о сохранении двойной (смешанной) идентичности жителей юга и востока страны на региональном и локальном уровнях. Вместе с тем, русскоязычное сообщество юга и востока страны остаётся политически слабым и неорганизованным, подвергается целенаправленной дискриминации. Определены политические последствия принудительной украинизации, а также сопротивление этнократии в общественном мнении и голосовании на выборах.

Ключевые слова: языковая политика, Украина, Юг и Восток, этнократия, методы, политика идентичности, общественное мнение

LANGUAGE POLICY OF UKRAINE IN THE SOUTH AND EAST OF THE COUNTRY AS A METHOD OF ETHNOCRACY

Kostenko Yulia V., Ph. D. (Policy), Associate Professor
Kuban State University
149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation
E-mail: jkostenko@yandex.ru

The author characterizes the language policy of post-Maidan Ukraine (2014–2020) in the South and East of the country as a method of consolidating ethnocracy in the process of nation-building. An assessment of the state and trends in the historiography of the problem is given. Ethnodemographic changes in the structure of the population, as well as public opinion in the South and East of Ukraine over the period from 1989 to 2020 were revealed. The intentions of the language policy of Ukraine are revealed. The ineffectiveness of international influence to ensure compliance with democratic norms of language policy is noted. Russian Russian language policy is defined as the destruction of institutions of Russian-language education and mass media in the Russian language, the weakening of Russian ethnic identity, carried out by the state authorities of Ukraine. An important factor in de-Russification is the armed conflict in the Donbas, which has become a catalyst for the transition to ethnocracy in Ukraine. At the same time, the unrecognized states in Donbass maintain the equality of languages on their territory. It is concluded that the dual (mixed) identity of residents of the South and East of the country is preserved at the regional and local levels. At the same time, the Russian-speaking community in the South and East of the country remains politically weak and disorganized, and is subject to targeted discrimination. The political consequences of forced ukrainization, as well as resistance to ethnocracy in public opinion and voting in elections, are determined.

Keywords: language policy, Ukraine, South and East, ethnocracy, methods, identity policy, public opinion

Тема статьи актуальна для политической науки. Украина является одной из стран постсоциалистического ареала, стремящихся форсированно провести нациестроительство на основе принципов этнократии, политического и социокультурного подавления и ассимиляции национальных меньшинств, в случае Украины – прежде всего, русских. Языковая политика украинизации выступает одним из ключевых направлений такого нациестроительства, обеспечивая максимальное совмещение этнической и политической наций, подавление поляризации регионов. Особый интерес представляет языковая политика Украины на Юге и Востоке страны (с населением 22 млн чел.), где в качестве средства общения преобладает русский язык. Исторически Юг и Восток нынешней Украины был Новороссией, заселялся многими народами, и они сосуществовали в рамках сначала Российской империи, а позже – СССР [22, с. 487–495]. Со времени провозглашения независимости Украины органы государственной власти проводят курс, ведущий к смене этнической и языковой идентичности на Юге и Востоке страны. Полагаем, что российскому государству и обществу не безразличны деструктивные процессы, организованные националистами на Юге и Востоке Украины. Эти процессы необходимо тщательно анализировать, чтобы определить «слабые места» украинизации, научно обосновать меры поддержки русских сообществ

посредством «мягкой силы» и «культурной дипломатии» в политике Российской Федерации. Тема остаётся малоизученной на региональных материалах.

Цель статьи – определить направленность и технологии языковой политики Украины на Юге и Востоке страны в качестве метода установления этнократии (2014–2020 гг.).

Степень изученности проблемы недостаточна в прикладном аспекте. Теоретические аспекты современной языковой политики освещены в публикациях М. В. Алпатова [1], М. А. Марусенко [21], Н. В. Борисовой [6]. Определение этнократии, в том числе – её лингвистического компонента, обосновал Ж.Т. Тощенко [34, с. 58–59, 371–404]. Языковая политика Украины в отношении Юга и Востока страны до 2015 г. освещена в монографиях российских аналитиков В. А. Тишкова [33, с. 519–585], М. А. Марусенко [21, с. 256–309], крымских историков В. Е. Григорьянца, А. В. Ишина, А. В. Мальгина и др. [10, с. 130–226], украинских политологов М. Б. Погребинского и А. К. Толпыго [17, с. 195–302, 386–398], В. И. Бортникова и Т. С. Майко [7, с. 16–21]. Еще до 2014 г. проявилась идеологическая несовместимость пророссийских [15, с. 267–284] и проукраинских [30, с. 210–223] оценок языковой политики. Создан ряд этнодемографических работ, отмечающих изменения этноязыковой структуры Украины, но не объясняющих их [2; 32], а также исследований языковых идентичностей [38; 17; 15; 18; 2]. После государственного переворота 2014 г. на Украине возобладала этнократическая трактовка языковой политики (монографии Г. Чижова, Т. Мосенцевой, Л. Самохваловой, Л. Швеца [39], О. В. Кривицкой [16], О. О. Рафальского [29]). Объективные оценки вытеснения русского языка дают эмигрировавший с Украины В. Д. Малинкович [19], авторы экспертного доклада службы «Ukrainian Center for Independent Political Research» [9], американские политологи Н. Петро и Дж. Козн [46]. Среди российских исследований постмайданного периода можно выделить работы Л. Н. Краснова и Н. П. Медведева [23], Д. С. Плотникова [26], М. С. Хмелевского, О. В. Раиной и А. В. Тоичкиной [37], Е. А. Марковой [20]. Обобщил изменения этнической идентичности на Украине О. Б. Неменский, но он не приводит региональной статистики в подтверждение выводов [25].

Методологией анализа выбран социальный конструктивизм [45]. Он объясняет подвижность границ русской и украинской идентичностей, сохранение смешанных и переходных форм самосознания, их быстрые изменения вследствие политических воздействий. С точки зрения конструктивизма, выбор языка повседневного общения и государственных языков является следствием самоидентификации сообщества и индивидов под влиянием целенаправленной политики. Языковая политика определяется как совокупность принципов, направлений и практик государства и общественных акторов с целью реализовать статусы и функции тех или иных языков, обеспечить их вектор развития и иерархию статусов в интересах правящих элит. Языковая политика выполняет функции не только обеспечения равноправия этнолингвистических групп, но и поддержания государственного единства, интеграции многоязычного сообщества на основе государственного языка, национальной идентичности. Различаются статусы языков: государственный, региональный, локальный, языки национальных меньшинств. Данная политика может реализоваться в широком диапазоне: от мультикультурализма до интеграции, от поддержки равноправия многих языков до навязывания единственного языка в качестве государственного [21, с. 42–50; 6, с. 8–10]. В условиях демократии конкурирующие акторы реализуют различные стратегии языковой политики. Напротив, этнократия означает политический режим, основанный на монополии одной из этнических групп, в том числе, реализуемый путём принуждения применять в публичной и частной жизни государственный язык.

Эмпирическую основу статьи составляют итоги переписей населения 1989, 2001 и 2019 гг. на Юге и Востоке Украины [40; 41; 24], а также результаты анкетных опросов, проведенных Украинским центром экономических и политических исследований имени А. Разумкова [5], Киевским международным институтом социологии [11; 12], Институтом социологии НАН Украины [35].

Пространственные пределы анализа – Юг и Восток Украины (Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская, Николаевская, Одесская, Харьковская и Херсонская области) в границах февраля 2014 г.

Общая численность населения восьми областей сократилась за 1989–2019 гг. с 22 566,3 до 18 349,3 тыс. чел. (на 18,7 %), что соответствует общеукраинским тенденциям демографических процессов, но означает более радикальное сокращение, чем в целом по Украине в сопоставимых границах 1989 г. (на 14,1 %) [40; 41; 24; 42; 43]. В то же время сохраняется привлекательность Одессы и Харькова как торгово-финансовых центров для внутригосударственных миграций. Происходило старение постоянного населения, рос уровень урбанизации за счёт сосредоточения в административных центрах.

Этнический состав населения Юга и Востока Украины динамично изменялся после распада СССР. Ряд исторически характерных для региона этнических меньшинств (евреи, немцы, греки) в своем большинстве покинули Украину. Курс навязывания украинской идентичности и «державной мовы» (нациестроительство в русле доминирования украинской нации) привели к масштабной смене самосознания жителей Юга и Востока страны (во многом принудительной). Это подтверждается сравнением итогов переписей 1989 и 2001 гг. (последняя перепись 2019 г. прошла в онлайн-формате и её этнический аспект ещё не известен; см. табл.).

Таким образом, происходила масштабная украинизация населения Юга и Востока страны. Важным исключением были Донбасс и Крым, где удельный вес считавших родным языком украинский за 1989–2001 гг. сократился, что подтверждает слабость националистических сил в региональных элитах

и сообществах в целом. Ряд пророссийских исследователей отмечал масштабные приписки численности украинцев при переписи 2001 г., а также давление на респондентов: «можно с уверенностью говорить о том, что основной вклад в уменьшение численности русских внесен не миграцией, а сменой этнической идентичности русских, являющихся, скорее всего, выходцами из смешанных украинско-русских семей» [13, с. 183]. Этот вывод подтверждает и С. Я. Суций, указывая на рост числа этнически смешанных семей, в которых дети выбирали украинскую идентичность, с 60 до 70 % между переписями [32, с. 172–177]. По итогам опроса Киевского международного института социологии (март 2013 г.), назвали родным языком русский 40 % респондентов, а украинский – 56 % [19, с. 122]. Но даже агрессивный курс украинизации со стороны властей смог обеспечить к 2013 г. лишь примерное равенство долей населения (по 45 %), которое предпочитало говорить в своей семье по-русски либо по-украински, а значительная часть населения использовала смешанные диалекты («суржик»), как установили в 2011 г. Украинский Центр экономических и политических исследований имени А. Разумковца и Институт социологии НАН Украины [5; 35, с. 579, 580].

Таблица

Изменения этнического состава сообщества Юга и Востока Украины, 1989–2001 гг. (в % населения)

Область	Русские				Украинцы			
	по этничности		по родному языку		по этничности		по родному языку	
	1989 г.	2001 г.	1989 г.	2001 г.	1989 г.	2001 г.	1989 г.	2001 г.
Днепропетровская	24,2	17,6	–	32,0	71,6	79,3	–	67,0
Донецкая	43,6	38,2	67,7	74,9	50,7	56,9	30,6	24,1
Запорожская	32,0	24,7	48,8	48,2	63,1	70,8	49,3	50,2
Луганская	44,8	39,0	63,9	68,8	51,9	58,0	34,9	30,0
Николаевская	19,4	14,1	33,8	29,3	75,6	81,9	64,2	69,2
Одесская	27,4	20,7	54,6	62,8	47,1	41,9	41,2	46,3
Харьковская	33,2	25,6	48,1	44,3	62,8	70,7	50,5	53,8
Херсонская	20,2	14,1	30,4	24,9%	75,7	82,0	67,7	73,2

Источник: Всеукраинская перепись населения 2001 г. Национальный состав населения. Языковой состав населения. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>.

Языковая политика украинских властей уже в 1992–2004 гг. последовательно была направлена на закрытие русскоязычных школ, сокращение тиражей литературы и прессы на русском языке, сворачивание русскоязычного телевидения и сегмента интернет-пространства. По подсчётам В. Д. Малинковича, к 2004 г. школьное образование в масштабах страны было переведено на украинский язык на 75,1 %, число русских школ сократилось почти в 2,5 раза; более 80 % вузов преподавали только на государственном языке [19, с. 124–125]. Тем самым, Украина нарушала подписанную ею Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств. В ответ на такую политику органы власти южных и восточных областей с 2006 г. принимали свои акты о статусе русского языка как регионального. 3 июля 2012 г. Верховная Рада Украины приняла с большим трудом Закон «Об основах государственной языковой политики» (в просторечии «закон Колесниченко – Кивалова»), одобривший статус русского языка в качестве регионального наряду с другими – венгерским, румынским и др. в областях, где такие языки считают родными больше 10 % жителей. Этот закон вызвал ярость националистов и сразу же был отменён после переворота 22 февраля 2014 г.

Неудивительно, что языковой вопрос расколол украинское общество в 2005–2014 гг. примерно пополам, став важным катализатором политического кризиса и государственного переворота [12]. По сведениям социологической службы «Рейтинг», осенью 2013 г. поддерживали придание русскому языку статуса второго государственного 43 % опрошенных, а 51 % отвергали такой статус. Причём мнения жителей Западной и Центральной Украины, с одной стороны, и Юга и Востока страны, с другой, были диаметрально противоположными. Разница в удельном весе поддержки государственного статуса русского языка между жителями Запада и Востока достигала 70 % [7, с. 21]. В. Е. Хмелько и С. Н. Оксамитная установили в итоге опроса Киевского международного института социологии (2007 г.), что около 85 % респондентов на Юге Украины предпочитали использовать для общения русский язык [38]. Е. В. Князева отмечала в исследовании 2017 г., что 80% жителей Одессы предпочитают говорить по-русски, так как «попытка осуществить украинизацию русскоязычных одесситов административными методами ... не удалась» [44, с. 182]. Это же вынуждена признать и националистическая исследовательница Т. А. Бевз [4, с. 304–311]. Желали сделать русский язык государственным 2013 г. 85 % респондентов в Донбассе, 69 % – на Юге, 57 % – в Харьковской области [36, с. 34]. Нетерпимость проявляли именно жители западных регионов. По исследованию И. Кононова (2008 г.), считали, что Украина должна развиваться как многоязычное и поликонфессиональное общество, 72,9 % респондентов в Луганске и лишь 35,3 % – во Львове [цит. по: 7, с. 21].

Языковая политика властей Украины нацелена на построение этнически однородной нации, что может быть обеспечено только при дискриминации языков иных народов страны, прежде всего – русского языка, который остаётся языком науки, бизнеса и повседневного общения, языком межэтнического

общения. Если к 2012 г. наблюдалось равенство употребления русского и украинского языков в повседневном общении, а на Юге страны однозначно преобладал русский язык [3, с. 85–94], то после переворота 2014 г. происходит навязывание украинского языка во всех сферах жизни. Но языковое поведение и идентичность населения заметно отличается от декларируемой этничности, подтверждая большую конкурентоспособность русского языка даже в столь тяжёлых условиях. В целом по стране предпочитает общаться на русском языке 48 %, а на украинском – 50,5 % (данные на 2017 г.) [27]. Впрочем, к сожалению, события «Евромайдана» и войны в Донбассе подтвердили, что налицо прослойка общества с нацистскими взглядами, использующих русский язык.

Политический режим, установленный на Украине в 2014 г., качественно урезал возможности сохранения языкового равноправия. В марте 2018 г. Конституционный Суд Украины признал антиконституционным закон 2012 г. о языковой политике. Взамен принят закон 2019 г., устанавливающий статус украинского языка в качестве единственного государственного и закрывающий русские школы. Государственные и муниципальные служащие обязаны сдать экзамен на знание «державной мовы». Установлена норма в 70 % эфирного времени на украинском языке (ранее примерно столько же занимало вещание на русском) [46]. Президент страны В. Зеленский отметил 24 апреля 2019 г. в данной связи: «Украинский язык – единственный государственный язык в Украине... По этому вопросу – никаких компромиссов» [14]. 1 сентября 2020 г. на Украине закрыта последняя русская школа. Европейский суд по правам человека, Европейский парламент и правозащитные общественные организации ограничились мягким словесным порицанием.

По данным социологического опроса 2019 г., проведённого Украинским центром экономических и политических исследований имени А. Разумкова, в сравнении с 2001 г. считают себя этническими украинцами уже не 77,8, а 92,0 % респондентов, а этническими русскими – уже не 17,3, а 6,0 % по всей стране [40; 8]. Наибольший процент украинцев по самооценке – среди молодёжи, что подтверждает конструируемый характер этничности. Анкетный опрос, проведённый Л. Жужей в г. Запорожье (2015 г., выборка 560 чел.), доказал, что среди респондентов смешанного происхождения (бизтноров) 80,7 % считали себя украинцами, а 18,0 % – русскими. Респонденты, оба родителя которых были русскими, в 69,2 % случаев назвали себя русскими, а в 7,7 % – украинцами. Выбор этничности отчётливо связан с политическим позиционированием. Те, кто называет себя русским, в два раза реже поддерживает военные действия Украины против республик Донбасса. Именно русские чаще поддерживают Оппозиционный блок, Коммунистическую партию Украины и другие антифашистские силы [2, с. 42–43]. По сути, выбор считать себя русским и открыто это признавать стал на нынешней Украине актом мужества, сопряжённым с риском для жизни.

Опрос, проведённый Киевским международным институтом социологии (март 2019 г., выборка 2004 чел.), показал, что налицо примерное равенство сторонников и противников сохранения русского языка в образовании. Считают, что русскому языку должно отводиться столько же времени, как и украинскому, 29,9 % респондентов, а что русский должен изучаться в объеме других иностранных языков или меньшем объеме – 25,4 % (вообще не изучаться – 7,8 %). Но на Юге Украины выступают за равноправие русского языка 57,1 %, на Востоке – 52,9 %, в подконтрольных Украине местностях Донбасса – 73,5 %. При этом межэтнические дистанции русскоязычных и украиноязычных украинцев немногим отличаются друг от друга, что подтверждает сохранение возможностей языкового компромисса [11]. Другой опрос, организованный КМИС в мае – июне 2020 г., подтвердил слабую поддержку языковой политики на Юге и Востоке страны. Полностью одобрили закон о государственном языке лишь 22,6 % жителей Юга и 18,9 % жителей Востока (в сравнении с 50,6 % респондентов на Западе страны) [28; 31].

Итак, этнодемографические изменения структуры населения Юга и Востока Украины за 1989–2020 гг. развиваются в направлении роста удельного веса украинцев. Эти сдвиги обеспечиваются языковой политикой этнократического типа, навязывания украинского языка в качестве единственного официального, дискредитацией русской идентичности как символа «страны-агрессора». В результате русская этническая и языковая идентичности ослабевают. Русскоязычное сообщество Юга и Востока страны остаётся политически слабым и неорганизованным, подвергается целенаправленной дискриминации. Отмечена неэффективность международного влияния с целью обеспечить соблюдение демократических норм языковой политики Украины. Определены такие направления языковой политики, как разрушение институтов русскоязычного образования и масс-медиа на русском языке, ослабление русской этнической идентичности, проводимые органами государственной власти Украины. Важным фактором дерусификации выступает вооружённый конфликт в Донбассе, ставший катализатором перехода к этнократии на Украине.

Среди населения областей Юга и Востока страны распространена двойная (смешанная) идентичность. Она остаётся ресурсом политического влияния России. Российская Федерация заинтересована последовательно создавать свои группы влияния среди населения Юга и Востока Украины, стать привлекательной для молодёжи, интеллигенции и бизнесменов, представителей этнических меньшинств в данных регионах. Эти инструменты «мягкой силы» могут в будущем усилить влияние России на Юге и Востоке Украины.

Список литературы

1. Алпатов, В. М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции / В. М. Алпатов // Сравнительная политика. – 2013. – Т. 4, № 2. – С. 11–22.
2. Ашурбеков, А. А. Русско-украинцы как латентный этнос Украины / А. А. Ашурбеков // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 8 (39), ч. 5. – С. 41–44.
3. Баранов, А. В. Региональные политики России и Украины: сравнительный анализ постсоциалистических трансформаций / А. В. Баранов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. – № 4 (33). – С. 85–94.
4. Бевз, Т. А. Політичній ідентичності в сучасній Україні: міська громада Одеси / Т. А. Бевз. – Київ : ІПіЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2016. – 312 с.
5. Больше половины граждан Украины говорят на украинском в быту. – Режим доступа: www.pravda.com.ua/rus/news/2011/08/23/6524063/, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
6. Борисова, Н. В. Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях / Н. В. Борисова. – Москва : Политическая энциклопедия, 2017. – 189 с.
7. Бортніков, В. І. Політичні аспекти регіональної ідентифікації населення України / В. І. Бортніков, Т. С. Майко // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки. – 2013. – Т. 18, вип. 2 (18), ч. 3. – С. 16–21.
8. В Украине 6 % жителей считают себя этническими русскими, опрос. – Режим доступа: <https://novosti.dn.ua/news/269172-v-ukrayne-6-zhyteley-schytayut-sebya-ehntnycheskymu-russkymu-opros>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., укр.
9. Вопросы идентичности русскоязычных граждан Украины в контексте вооруженного конфликта на востоке страны. – Киев : International Alert; Ukrainian Center for Independent Political Research, 2017. – 36 с.
10. Григорьянц, В. Е. Федерализация Украины. К единству через разнообразие / В. Е. Григорьянц, С. С. Жильцов, А. В. Ишин, А. В. Мальгин. – Москва : Восток – Запад, 2011. – 228 с.
11. Думки погляди населення що до викладання російської мови в українськомовних школах і на дання невідконтрольним територіям Донбасу в тономії складі України: березень 2019 року. – Режим доступа: <https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=832&page=2&t=10>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. укр.
12. Думки та погляди жителі в Південно-Східних областях України: квітень 2014. – Режим доступа: <https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=302&page=4&t=10>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. укр.
13. Ефимов, С. А. Куда исчезли русские, или «сообщающиеся сосуды» этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989-2001 гг. / С. А. Ефимов // История и современность. – Волгоград, 2009. – № 1. – С. 177–189.
14. Зеленский: Русский никогда не станет вторым государственным языком. – Режим доступа: <https://novorosinform.org/770454>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
15. Князева, Е. В. Самоидентификации населения Южноукраинского региона: «неукротимость примордиального» / Е. В. Князева // Социальные идентичности в динамике институционального и самоорганизационного. – Одесса : ВМВ, 2013. – С. 267–284.
16. Кривицька, О. В. Демаркаційні лінії в етнополітичному просторі України / О. В. Кривицька. – Київ : ІПіЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2015. – 328 с.
17. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М. Б. Погребинского и А. К. Толпыго. – Москва : Весь мир, 2013. – 400 с.
18. Линецкая, О. А. Ментальная структура этнической картины мира украинцев (на примере студентов Юга Украины) / О. А. Линецкая // Вісник Одеського національного університету. Психологія. – 2015. – Т. 20, № 3–1 (37). – С. 54–61.
19. Малинкович, В. Д. Дорога на Майдан. Причины украинского кризиса / В. Д. Малинкович. – Москва : Весь мир, 2017. – 256 с.
20. Маркова, Е. А. Политика Украины в языковой сфере: основные итоги / Е. А. Маркова // Проблемы постсоветского пространства. – 2020. – Т. 7, № 1. – С. 73–83.
21. Марусенко, М. А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности / М. А. Марусенко. – Москва : Научно-политическая книга, 2015. – 575 с.
22. Марчуков, А. В. Новороссия: формирование национальных идентичностей (XVIII–XX вв.) / А. В. Марчуков. – Москва : Кучково поле, 2018. – 512 с.
23. Медведев, Н. П. Языковая политика Украины как источник этнополитической дестабилизации / Н. П. Медведев, Л. Н. Краснов // Проблемы постсоветского пространства. – 2018. – Т. 5, № 2. – С. 161–169.
24. Население Украины по областям / регионам. Крупнейшие области Украины. – Режим доступа: <http://www.statdata.ru/ukraine-naselenie-oblastei>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
25. Неменский, О. Б. Эволюция русской и украинской идентичности на Украине после Евромайдана / О. Б. Неменский // Вопросы национализма. – 2015. – № 4 (24). – С. 26–34.
26. Плотников, Д. С. Языковая политика как инструмент конструирования идентичности (на примере Молдовы, Украины и Латвии) / Д. С. Плотников // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2018. – № 1 (794). – С. 60–81.
27. По-русски общаются 48 % украинцев, опрос. – Режим доступа: <https://korrespondent.net/ukraine/3862686-dlia-24-ukrayntsev-russkyi-osnovnoi-yazyk-opros> Корреспондент.net, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., укр.

28. Прес-релізи та звітиставлення населення України до закону про мову. - Режим доступа: <https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=972&page=1>, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. укр.
29. Рафальський, О. О. Консолідація українського суспільства: етнополітичний вимір / О. О. Рафальський. - Київ: Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2018. - 400 с.
30. Савойская, С. В. Пророссийский сепаратизм как феномен языковой политики в Украине / С. В. Савойская // Научный вестник Одесского национального экономического университета. - 2014. - № 10 (218). - С. 210-223.
31. Ставлення до статусу російської мови в Україні. - Режим доступа: <https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=517&page=4&t=10>, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. укр.
32. Суций, С. Я. Украина - Россия - мир: некоторые грани взаимодействия (до и после кризиса) / С. Я. Суций. - Ростов-на-Дону: ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2014. - 203 с.
33. Тишков, В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / В. А. Тишков. - Москва: Наука, 2013. - 649 с.
34. Тощенко, Ж. Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки) / Ж. Т. Тощенко. - Москва: РОССПЭН, 2003. - 432 с.
35. Українське суспільство 1992-2012. Стан та динаміка змін: Соціологічний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. - Київ: Інститут соціології НАН України, 2012. - 660 с.
36. Фесенко, В. В. Кризис в Украине в восприятии украинцев / В. В. Фесенко // ProetContra. - Москва, 2014. - Т. 18. - № 3-4. - С. 26-35.
37. Хмелевский, М. С. Современная языковая политика на Украине: законодательство и реальная действительность (результаты полевых исследований) / М. С. Хмелевский, О. В. Раина, А. В. Тоичкина // Вопросы этнополитики. - 2019. - № 4. - С. 98-119.
38. Хмелько, В. Е. Русско-украинская биэтническая идентичность и лингво-этническая гетерогенность в Украине / В. Е. Хмелько, С. Н. Оксамитная. - Режим доступа: <http://ekmair.ukma.edu.ua/handle/123456789/4472>, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. рус.
39. Чижов, Г. Переломные годы. Страницы украинской революции / Г. Чижов, Т. Мосенцева, Л. Самохвалова, Л. Швец. - Киев: Laugus, 2018. - 456 с.
40. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года. Национальный состав населения. - Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. рус., укр.
41. Численность населения (по оценке) на 1 декабря 2019 и средняя численность в январе-ноябре 2019 г. - Режим доступа: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2019/ds/kn/kn_u/kn1119_u.html, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. рус., укр.
42. Численность населения Донецкой Народной Республики на 1 января 2019 года. - Режим доступа: http://glavstat.govdnr.ru/pdf/naselenie/chisl_naselenie_0119.pdf, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. рус.
43. Численность населения Луганской Народной Республики на 1 января 2019 года. - Режим доступа: https://gkslnr.su/files/chisl_250119.pdf, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. рус.
44. Этнология Одессы в исторической и современной перспективах / П. Лозовюк, А. Пригарин и др. - Одесса: Ирбис, 2017. - 387 с.
45. Chandra, K. Constructivist Theories of Ethnic Politics / K. Chandra. - New York; Oxford: Oxford University Press, 2012. - XVI, 500 p. - DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199893157.001.0001.
46. Petro, N. N. Ukraine's Government Is Failing to Unite Ukrainians / N. N. Petro, J. Cohen. - Режим доступа: <http://nationalinterest.org/feature/ukraines-government-failing-unite-ukrainians-20915?page=show>, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. англ.

References

1. Alpatov, V. M. Jazykovaja politika v sovremennom mire: «odnojazychnaja» i «dvujazychnaja» praktiki i problema jazykovoј assimiljatsii [Language policy in the modern world: "monolingual" and "bilingual" practices and the problem of language assimilation]. *Sravnitel'naja politika* [Comparative politics]. Moscow, 2013, vol. 4, no. 2, pp. 11-22.
2. Ashurbekov, A. A. Russko-ukrainty kak latentnyj etnos Ukrainy [Russian-Ukrainians as a latent ethnos of Ukraine]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International research journal]. Moscow, 2015, issue 8 (39), part 5, pp. 41-44.
3. Baranov, A. V. Regional'nye politii Rossii i Ukrainy: sravnitel'nyj analiz postsotsialisticheskikh transformatsij [Regional politics of Russia and Ukraine: comparative analysis of post-socialist transformations]. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture], 2012, no. 4 (33), pp. 85-94.
4. Bevz, T. A. *Politichni identichnosti v suchasnij Ukraini: mis'ka gromada Odesi* [Political identities in contemporary Ukraine: local community of Odessa]. Kiev, IPIEND im. I.F. Kurasa NAS Ukraine, 2016, 312 p.
5. *Bol'she poloviny grazhdan Ukrainy govoryat na ukrainskom v bytu* [More than half of Ukrainian citizens speak Ukrainian in everyday life]. Available at: www.pravda.com.ua/rus/news/2011/08/23/6524063/.
6. Borisova, N. V. *Kogdajazyki v ogne: osparivanie jazykovyh rezhimov kak vyzov balansu v mezhetnicheskij otnoshenijah* [When languages are on fire: challenging language regimes as a challenge to balance in interethnic relations]. Moscow, Politicheskaja entsiklopedija Publ., 2017, 189 p.

7. Bortnikov, V. I., Majko, T. S. Politichni aspekti regional'noi identifikatsii naselennja Ukraini [Political aspects of regional identification of Ukrainian population]. *Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Sociologija i politichninauki* [Odesa national university herald], 2013, vol. 18, issue 2 (18), part 3, pp. 16–21.
8. V Ukraine 6 % zhitelej schitajut sebja jetnicheskimi ruskimi, opros [In Ukraine, 6% of the population consider themselves ethnic Russians, poll]. Available at: <https://novosti.dn.ua/news/269172-v-ukrayne-6-zhyteley-schytajut-sebja-ehntnycheskymy-ruskymy-opros>.
9. *Voprosy identichnosti ruskojazychnyh grazhdan Ukrainy v kontekste vooru-zhennogo konflikta na vostoce strany* [Issues of identity of Russian-speaking citizens of Ukraine in the context of the armed conflict in the East of the country]. Kiev, International Alert; Ukrainian Center for Independent Political Research, 2017. 36 p.
10. Grigor'jants, V. E., Zhil'tsov, S. S., Ishin, A. V., Mal'gin, A. V. *Federalizatsija Ukrainy. K edinstvu cherez raznoobrazje* [Federalization of Ukraine. Unity through diversity]. Moscow, Vostok – Zapad Publ., 2011, 228 p.
11. *Dumki i pogljadi naselennja shho dovkladanna rosjs'koji movi v ukrains'ko-movnih shkolah i na dannja ne pidkontrol'nim teritorijam Donbasu avtonomii u skladi Ukraini: berezen' 2019 roku* [Opinions and views of the population on teaching Russian in Ukrainian language schools and granting autonomy within Ukraine to the uncontrolled territories of Donbass: March 2019]. Available at: <https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=832&page=2&t=10>.
12. *Dumki ta pogljadi zhiteli v Pivdenno-Shidnih oblastej Ukraini: kviten' 2014* [Opinions and views of residents of the south-eastern regions of Ukraine: April 2014]. Available at: <https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=302&page=4&t=10>.
13. Efimov, S. A. Kuda ischezli ruskie, ili «soobshhajushiesja sosudy» etnojazykovoju samoidentifikatsii: Ukraina, 1989-2001 gg. [Where did the Russians disappear, or “communicating vessels” of ethno-linguistic self-identification: Ukraine, 1989-2001]. *Istorija i sovremennost'* [History and Modernity]. Volgograd, 2009, no. 1, pp. 177–189.
14. *Zelenskij: Russkij nikogda ne stanet vtorym gosudarstvennym jazykom* [Zelensky: Russian will never become the second state language]. Available at: <https://novorosinform.org/770454>.
15. Krnjazeva, E. V. Samoidentifikatsii naselenija Juzhnoukrajnskogo regiona: “neukrotimost' primordial'nogo” [Self-identifications of the population of the Southern-Ukrainian region: “continuity of the primordial”]. *Sotsial'nye identichnosti v dinamike institutsional'nogo i samoorganizacionnogo* [Social identities in the dynamics of institutional and self-organizational]. Odesa, VMV Publ., 2013, pp. 267-284.
16. Krivits'ka, O. V. *Demarkatsijni linii v etnopolitichnom uprostori Ukraini* [Demarcation lines in the ethno-political space of Ukraine]. Kiev, IPIEND imeni I. F. Kurasa NAS Ukraini, 2015, 328 p.
17. *Krizis multikul'turalizma i problem natsional'noj politiki* [The crisis of multiculturalism and problems of ethnic politics]. Ed. by M. B. Pogrebinskij and A. K. Tolpygo. Moscow, Ves mir Publ., 2013, 400 p.
18. Linetskaja, O. A. Mental'naja struktura etnicheskoj kartiny mira ukraincev (naprimerez studentov Juga Ukrainy) [Mental structure of the ethnic picture of the world of Ukrainians (on the example of students of the South of Ukraine)]. *Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Psihologija* [Odesa National University Herald]. 2015, vol. 20, no. 3-1 (37), pp. 54-61.
19. Malinkovich, V. D. *Doroga na Majdan. Prichiny ukrajnskogo krizisa* [The Road to Maidan. Causes of the Ukrainian crisis]. Moscow, Ves mir Publ., 2017, 256 p.
20. Markova, E. A. Politika Ukrainy v jazykovoju sfere: osnovnye itogi [Policy of Ukraine in the linguistic sphere: the main results]. *Problemy postsovetskogo prostranstva* [Problems of post-Soviet space]. Moscow, 2020, vol. 7, no. 1, pp. 73-83.
21. Marusenko, M. A. *Jazyki i natsional'naja identichnost': sovremennye vyzovy natsional'nomu edinstvu i territorial'noj tselostnosti* [Languages and national identity: modern challenges to national unity and territorial integrity]. Moscow, Nauchno-politicheskaja kniga Publ., 2015, 575 p.
22. Marchukov, A. V. *Novorossija: formirovanie natsional'nyh identichnostej (XVIII–XX vv.)* [Novorossiya: formation of national identities (XVIII–XX centuries)]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2018, 512 p.
23. Medvedev, N. P., Krasnov, L. N. Jazykovaja politika Ukrainy kak istochnik etnopoliticheskoj destabilizatsii [Language policy of Ukraine as a source of ethno-political destabilization]. *Problemy postsovetskogo prostranstva* [Problems of the post-Soviet space]. Moscow, 2018, vol. 5, no. 2, pp. 161-169.
24. *Naselenie Ukrainy po oblastjam / regionam. Krupnejšie oblasti Ukrainy* [Population of Ukraine by regions / regions. The largest regions of Ukraine]. Available at: <http://www.statdata.ru/ukraine-naselenie-oblastei>.
25. Nemenskij, O. B. Jevoljutsija ruskoj i ukrajnskoj identichnosti na Ukraine posle Evromajdana [Evolution of Russian and Ukrainian identity in Ukraine after Euromaidan]. *Voprosy natsionalizma* [Questions of nationalism]. Moscow, 2015, no. 4 (24), pp. 26-34.
26. Plotnikov, D. S. Jazykovaja politika kak instrument konstruirovanija identichnosti (na primere Moldovy, Ukrainy i Latvii) [Language policy as a tool for constructing identity (on the example of Moldova, Ukraine and Latvia)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences]. 2018, no. 1 (794), pp. 60-81.
27. *Po-russki obshhajutsja 48 % ukraincev – opros* [48 % of Ukrainians communicate in Russian - survey]. Available at: <https://korrespondent.net/ukraine/3862686-dlia-24-ukrayntsev-russkyi-osnovnoi-yazyk-opros> Korrespondent.net.
28. *Pres-relizi ta zviti stavlennja naselennja Ukraini do zakonu pro movu* [Press releases and reports on the attitude of the population of Ukraine to the law on language]. Available at: <https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=972&page=1>.

29. Rafal's'kij, O. O. *Konsolidacija ukraïns'kogo suspil'stva: etnopolitichnij vimir* [Consolidation of Ukrainian society: ethnopolitical dimension]. Kiev, Institut politichnih i etnonatsional'nih doslidzhen' imeni I. F. Kurasa NAS Ukraïni, 2018, 400 p.
30. Savojskaja, S. V. Prorossijskij separatizm kak fenomen jazykovoï politiki v Ukraine [Pro-Russian separatism as a phenomenon of language politics in Ukraine]. *Nauchnyj vestnik Odesskogo natsional'nogo jekonomicheskogo universiteta* [Scientific Bulletin of the Odesa National Economic University], 2014, no. 10 (218), pp. 210-223.
31. *Stavlennja do statusu rosij's'koï movi v Ukraïni* [Attitude to the status of the Russian language in Ukraine]. Available at: <https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=517&page=4&t=10>.
32. Suschij, S. Ja. *Ukraina – Rossija – mir: nekotorye grani vzaimodejstvija (do iposlekrizisa)* [Ukraine – Russia – Mir: some facets of interaction (before and after the crisis)]. Rostov-on-Don, ISEGI SSC RAS Publ., 2014, 203 p.
33. Tishkov, V. A. *Rossijskij narod: istorija i smysl natsional'nogo samosoznanija* [Russian people: history and meaning of national identity]. Moscow, Nauka Publ., 2013, 649 p.
34. Toshhenko, Zh. T. *Jetnokratija: istorija i sovremennost' (sociologicheskie ocherki)* [Ethnocracy: history and modernity (sociological essays)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003, 432 p.
35. *Ukrainske suspil'stvo 1992–2012. Stan ta dinamizacij: Sotsiologichnij monitoring* [Ukrainian society 1992–2012. State and dynamics of changes: sociological monitoring]. Ed. by V. Vorona, M. Shul'ga. Kiev, Institut sotsiologii NAS Ukraine Publ., 2012, 660 p.
36. Fesenko, V. V. *Krizis v Ukraine v vosprijatii ukraintsev* [Crisis in Ukraine in the perception of Ukrainians]. *Pro et Contra*. Moscow, 2014, vol. 18, no. 3-4, pp. 26–35.
37. Khmelevskij, M. S., Raina, O. V., Toichkina, A. V. *Sovremennaja jazykovaja politika na Ukraine: zakonodatel'stvo i real'naja dejstvitel'nost' (rezul'taty polevyh issledovanij)* [Modern language policy in Ukraine: legislation and the reality (the results of field research)]. *Voprosy etnopolitiki* [Problems of ethnic policy]. Moscow, 2019, no. 4, pp. 98-119.
38. Khmel'ko, V. E., Oksamitnaja, S. N. *Russko-ukrainskaja bijetnicheskaja identichnost i lingvo-jetnicheskaja geterogennost' v Ukraine* [Russian-Ukrainian biethnic identity and linguistic-ethnic heterogeneity in Ukraine]. Available at: <http://ekmair.ukma.edu.ua/handle/123456789/4472>.
39. Chizhov, G., Mosentseva, T., Samohvalova, L., Shvec, L. *Perelomnye gody. Stranitsy ukraïnskoï revoljutsii* [Critical year. Pages of the Ukrainian revolution]. Kiev, Laurus Publ., 2018, 456 p.
40. *Chislennost i sostav naselenija Ukrainy po itogam Vseukraïnskoï perepisi naselenija 2001 goda. Natsional'nyj sostav naselenija* [The number and composition of the population of Ukraine based on the results of the all-Ukrainian population census in 2001. National composition of the population]. Available at: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>
41. *Chislennost' naselenija (pootsenke) na 1 dekabnja 2019 i srednjaja chislennost' v janvare - nojabre 2019 g.* [Population (estimated) as of December 1, 2019 and average population in January – November 2019]. Available at: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2019/ds/kn/kn_u/kn1119_u.html.
42. *Chislennost' naselenija Donetskoj Narodnoj Respubliki na 1 janvarja 2019 goda* [The number of population of the Donetsk People's Republic on January 1, 2019]. Available at: http://glavstat.govdnr.ru/pdf/naselenie/chisl_naselenie_0119.pdf.
43. *Chislennost naselenija Luganskoj Narodnoj Respubliki na 1 janvarja 2019 goda* [The number of population of Lugansk People's Republic on January 1, 2019]. Available at: https://gkslnr.su/files/chisl_250119.pdf.
44. *Etnologija Odessy v istoricheskoj i sovremennoj perspektivah* [Ethnology of Odessa in the historical and contemporary perspectives]. Ed. by P. Lozovjuk, A. Prigarin and others. Odessa, Irbis Publ., 2017, 387 p.
45. Chandra, K. *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. New York ; Oxford, Oxford University Press, 2012, XVI, 500 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199893157.001.0001.
46. Petro, N. N., Cohen, J. *Ukraine's Government is Failing to Unite Ukrainians*. Available at: <http://nationalinterest.org/feature/ukraïnes-government-failing-unite-ukraïnians-20915?page=show>.